

ИДЕЯ ФОРМАЛИЗАЦИИ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Если философия любой эпохи является собой квинтэссенцию ее духовной культуры, тогда формальная логика есть квинтэссенция формализации. Формализация в философии, как в высшей степени рационализированной и систематизированной разновидности мировоззрения, достигает в платоновско-аристотелевскую эпоху уровня логики.

Становление и формирование древнегреческой философии в VI–V вв. до н. э., безусловно, связано со все более возрастающей степенью формализации в лоне самой философии, т. е. происходит осознание главной роли интеллектуальных компонентов, понятий и категорий в их различении и противопоставлении (агон) чувственной образности мировосприятия. Так, Парменид утверждал тождество бытия, которое постигается исключительно разумом, и противопоставлял ему небытие, включающее в себя всю сферу конкретно-индивидуального в непрерывно изменяющемся мире, фиксируемого чувственными данными. Разум выступает как единственный источник истины, а чувственные данные — лжи. Важную роль в становлении и формировании логических понятий сыграли знаменитые апории Зенона Элейского, где отрицалось вообще мыслимость движения и множественности. Именно, начиная с элейской мысли, происходит формирование рационалисти-

* Смагин Юрий Евгеньевич — канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии философского факультета СПбГУ, yuri_smagin@mail.ru

ческой традиции в древнегреческой философии. Значимым этапом формализации философской мысли явилось диалектико-логическое учение Платона и Аристотеля. У Платона (субъективная) диалектика есть прежде всего правильное связывание и отделение друг от друга идей как родов вещей¹. В индуктивном процессе мышление устремляется от мира единичных и чувственно-конкретных воспринимаемых вещей к «эйдосам» или же предельно-общим понятиям вплоть до высшей идеи «блага». В данном процессе ход мышления направлен на сведение и обобщение. Однако в дедуктивном процессе мышление направлено иначе: разделение на роды, виды, индивидуальные и неделимые понятия. В этих условиях мышление фиксирует возможность ограничения². Здесь необходимо отметить, что идея формализации у Платона, выраженная в конструировании логических законов и правил, отражала активное взаимоотношение философии с математическими и научно-конкретными знаниями, с политическими и социальными учениями данной эпохи. Важное значение в учении Платона и Аристотеля имело такое понятие, как «то мэсон» («средний»), выражавшее все иные понятия, которые пребывали между сферой чувственно-конкретных воспринимаемых вещей и наиболее общими определениями бытия. При этом, посредством мнения постигались единичные вещи, а разум оперировал с общими определениями. Таким образом, происходит фундаментальное различие между разумом и рассудком, что явилось лейтмотивом последующей историко-философской мысли в ее гносеологическом аспекте. Так, основываясь на понятиях «разум» и «рассудок», Платон пытается разрешить вопрос о соотношении философии и любых частных наук³. В осуществлении идеи формализации Платон основное значе-

ние придавал именно рассудку, который непосредственно связан с чувственными данными, следовательно, с чувственным опытом и представляет собой «разум, смешанный с ощущениями»⁴. Поэтому действия рассудочного мышления ярким образом проявляются в сфере математического, поскольку это «способность, которая встречается у занимающихся геометрией и им подобных. Однако это еще не ум, так как рассудок занимает промежуточное положение между мнением и умом»⁵. Если рассудок в понимании Платона постигает предмет из ближайших оснований, тогда разум доводит понимание причин до наиболее высших и мировоззренческих оснований.

Наиболее ярко идея формализации философской мысли выражается в учении Аристотеля. Философ следует утверждению Платона, что принцип разума есть единица, а принцип рассудка есть множество⁶. Важно отметить, что логика у Аристотеля не является самостоятельной наукой, а выступает прежде всего в качестве инструментария для всех иных наук; тем не менее аристотелевская логика не исключает онтологических аспектов, выраженных в законах мышления; запрещение противоречия, исключенного третьего и тождества⁷. Иными словами, данные логические законы суть не только законы мышления, но и законы бытия. Однако тенденция формализации философской мысли в относительной независимости от бытия отчетливо и определенно выражается у Аристотеля, поскольку «истинное и ложное есть сочетание мыслей»⁸. Основным элементом аристотелевской логики служит силлогизм, где триадный принцип мышления реализуется наиболее ясным и отчетливым образом: большая посылка, меньшая посылка и вывод через средний термин. В «Аналитиках»,

корпусе логических сочинений, Аристотель разработал логическую структуру философской мысли и употребил древнегреческий термин «анализ»⁹ в качестве разложения сложного на простое вплоть до неразложимых первоначал или аксиом.

В дальнейшем, в период средневековой схоластической философии, идея формализации философского мышления не выражается таким ярким и оригинальным образом как это происходило во времена классической философии эллинистического периода. И это, пожалуй, неудивительно, поскольку схоластика есть прежде всего философия комментариев, где основным является толкование священных текстов Отцов Церкви, работ Платона и Аристотеля. Здесь важное значение приобретает взаимодействие схоластики со все возрастающим уровнем математического знания. Именно данное обстоятельство означает дальнейшее развитие формализации философской мысли как систематизированного мышления. Наиболее значимая фигура в процессе формализации средневековой логики — Раймонд Луллий, который был не только христианским мистиком, но вместе с тем и теологом-рационалистом. В своих представлениях он совершенно отвергал так называемую концепцию «двух истин» и полагал возможным построение христианской теологии на сугубо рационалистических основаниях. Возможность ясного и четкого разграничения в различении истины и лжи являлась одной из основных идей его «Великого искусства». Попытка Р. Луллия двусмысленно толковать и понимать истинность, по всей видимости, дает основание причислить теолога к предшественникам символической логики. Но при этом важно заметить, что Р. Луллий был весьма далек от математики. Общеизвестен его знаменитый логический меха-

низм, где семь концентрических кругов включают в себя основные субъекты и предикаты; при вращении этих концентрических кругов относительно друг друга автоматически «порождаются» истины.

Идея формализации философского мышления кардинальным образом преобразуется и выражается в эпоху Нового времени. И это связано, как ни парадоксально это звучит, не столько со все возрастающим уровнем естественно-научного знания, сколько с эпохальными открытиями в сфере материального: открытие и завоевание Нового света, широкомасштабное применение пороха и изобретение книгопечатания. Это требовало нового уровня формализации, особенно в логико-математическом осмыслении происходящего. Необходимо заметить, что любая формализация становится преградой в процессе научного знания, если таковая органически не взаимодействует с научным знанием и облекается в «застывшие-мертвые» умозрительные формы. Поэтому неудивительно, что аристотелевско-схоластическая логика уже не отражала умонастроение новоевропейских ученых и философов. Эмпирический опыт в форме эксперимента («индуктивная логика») становится основным в философии Ф. Бэкона и в науке Г. Галилея. Новая форма выражения идеи формализации философской мысли находит свое воплощение в слиянии и осмыслении естественно-научных знаний с математическими началами. Это и «язык геометрии» Т. Гоббса в понимании не только природы человека, но и в понимании государственного образования («Левиафан»), это и «геометрический способ» Б. Спинозы, примененный в его знаменитой «Этике». Наиболее выдающимися представителями радикального выражения идеи формализации философской мысли были Р. Декарт и Г. В. Лейбниц, ко-

торые являлись не только философами, но и выдающимися математиками. Так, Р. Декарт был создателем аналитической геометрии и одним из основателей новой алгебры. Не принимая традиционной аристотелевской логики, Р. Декарт противопоставил ей собственную рационалистическую методологию, основанием которой служила «всеобщая математика», что в конечном итоге привело к аксиоматико-дедуктивной методологии в философии Нового времени.

Новая формализация философского мышления также обозначается в рационалистической системе гносеологии Г. В. Лейбница. Это, прежде всего, ясные и отчетливые формулировки законов тождества, противоречия и исключенного третьего. Тем самым Лейбниц более основательно рассматривает картезианский критерий истинности, в частности понятие «интеллектуальная интуиция». К тому же, немецкий философ-математик добавляет закон достаточного основания, который теоретически предоставляет возможность с большей долей эффективности объединить гипотетико-дедуктивную методологию с опытно-экспериментальным постижением природного мира. Можно утверждать, что Лейбниц обосновал главные принципы символической и математической логики. В этой связи нельзя не вспомнить Р. Луллия, к идеям которого, возможно, обращался Лейбниц. Необходимо отметить, что Г. В. Лейбниц в отличие от Ф. Бэкона и Р. Декарта положительно относился к традиционной аристотелевской логике. Идея формализации философского мышления наиболее ярким образом выражается в создании Лейбницем универсального языка науки (в частности в работе «О комбинаторском искусстве» и других). Это означало стремление к сведению к минимальным аксиоматическим основаниям

традиционной субъектно-предикатной логики с применением правил арифметического и алгебраического исчисления.

¹ Софист. 253d–e.; Федон. 266в.

² Политик. 262в–е.

³ Государство. VII 534a 2–5.

⁴ Законы. XII 961e 1–2.

⁵ Государство. VI 511 3–5.

⁶ О душе I 2 404в 23–27.

⁷ Метафизика. I 4 1006a — 1006 14.

⁸ О душе. III 8 432a 10.

⁹ Метафизика. IV 3 1005a–в 1005 13.

*М. Н. Вольф**

ПРОБЛЕМА «ЯВНОГО И НЕЯВНОГО»
ГЕРАКЛИТА И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В УЧЕНИИ ПЛАТОНА

У Гераклита то, что, с позиций милетцев, принадлежало миру явлений как нечто общее для вещей, получило самостоятельное существование как неявное, в явном виде не доступное чувствам, т. е. через постановку проблемы «явного и неявного» ($\phi\alpha\nu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ — $\acute{\alpha}\phi\alpha\nu\acute{\epsilon}\varsigma$). Вопрос «существует ли что-нибудь помимо явлений?» получает положительный ответ, но влечет за собой целый ряд последующих проблем: что есть это неявное, какие способы его обнаружить существуют и доступно ли неявное для познания. В целом, можно выделить два способа понимания неявного: то, что находится за пределами

* *Вольф Марина Николаевна* — канд. филос. наук, научн. сотр. Института философии и права СО РАН, Новосибирск, wolfmn@yandex.ru